

Человек Земли

Почему я взялся за написание этого эссе? Затрудняюсь с ответом.

Братья Стругацкие — явление, которое еще ждет своего исследователя. Не только и не столько как явление фантастики или даже русской (если угодно — советской) прозы. Ведь Аркадий и Борис Натановичи всегда и всеми воспринимались так: писатель Стругацкие. Именно писатель, а не два писателя. Нечто абсолютно единое.

«Писатель Стругацкие» — феномен в нашей культуре воистину глобальный. Иногда мне кажется, что в жизни и творчестве Братьев таится нечто такое, постижение чего позволит нам наконец-то понять — кто мы, кем мы были вчера и, возможно, кем станем завтра.

Однако что же лукавить? «Писатель Стругацкие» — это еще и два человека, две судьбы, две индивидуальнос-

ти, во многом настолько различные, что просто оторопь берет: как они вообще могли работать вместе? Да еще и писать такое? Многие копыя, равно как и зубы критиков и литературоведов поломаны об эту загадку знаменитого сотворчества. Вот досужие сплетни тех времен, которые постоянно циркулировали в литературной и околосредовой среде: «Братья встречаются в Бологом, на полпути между Москвой и Ленинградом, и там, в привокзальном кафе, пишут свои книги»; «Стругацкие накачиваются в домах отдыха наркотиками до одури и только потом садятся за машинку»; «Все пишет один из братьев, а второй лежит на диване и плюет в потолок».

Но я не об этом, как часто повторял Илья Эренбург..

В августе 2005-го Аркадию Стругацкому исполняется семьдесят лет.

28 августа — день рождения Аркадия Натановича Стругацкого, классика отечественной и мировой фантастики, а если точнее — классика современной литературы. 80 лет. Хотя прожил он только шестьдесят шесть.

На следующий год после кончины, в мае 1992-го, в московском Доме кино прошел вечер его памяти, который вел Кир Булычев. Приглашенных впускали строго по приглашительным билетам — скорее всего, потому, что должны были появиться тогдашний премьер Егор Гайдар и другие «высокие лица». Действительно, появились (с охраной).

Среди свидетелей этого вечера памяти был и сотрудник «Химии и жизни», поскольку ему тоже перепал приглашительный билет. Картонка, сохраненная на всю жизнь. Вот ее разворот (см. след. стр.).

Неизвестно, кто был автором этих рисунков, но ведь как здорово, ибо — точно! Слева — образ альтернативного времени: у кого-то одна история, у кого-то пока или навсегда другая. И между ними (пока или навсегда) нету согласия, созвучия, общности, примирения: взгляните, сверху, пополудни, — провал. Ну а слева... кажется, это ливанский кедр или еще какое-то ветхозаветное дерево, в кроне которого явно угадывается череп человека. Дескать, да, я мертв, но я буду всегда, откуда это дерево питают соки земли. Когда-нибудь встретимся.

Кажется, что с этой исторической надеждой — «когда-нибудь встретимся» — и прожил свою литературную судьбу Аркадий Натанович Стругацкий. Писатель, для которого фантастика как жанр была только моделью, способом, фигурой речи, а главной задачей познания оставалась Земля — мы, человечество.

Вот поэтому последнее. Немногим известно, что Аркадий Стругацкий завещал развеять его прах над землей. Так и сделали. Через некоторое время после кремации с одного из аэродромов столицы поднялся вертолет, с борта которого родственники и друзья Аркадия Натановича выполнили его просьбу. Развеяли. Над каким-то подмосковным лесом, каким-то полем. Над нашей всеобщей землей.

Именно так: исполняется, потому что язык не поворачивается произнести «исполнилось бы». Он с нами. В своих книгах. В авторах, которым помог сделать первые шаги в литературе. В русской фантастике, в русской прозе. В памяти.

Писатель

Я не претендую на истину в последней инстанции и не пытаюсь как-то разделить братьев — то есть оценить вклад каждого из них в совместное творчество. Но что делать — так мне видится. Если нижеследующее покажется спорным, не возражаю.

Ярко выраженным литературным даром в тандеме «писатель Стругацкие» обладал Аркадий Натанович. Подчеркиваю, именно ярко выраженным и именно литературным.

Согласно преданию, повесть «Страна багровых туч» братья написали, заключив пари со своими женами, то есть на спор. Дабы им доказать, что писать (и издавать) хорошую фантастику можно. На дворе стояли 50-е, и с хорошей фантастикой в стране было напряженно.

Однако тогда у Аркадия Стругацкого уже вышла книга — «Пепел Бикини», роман, увы, отнюдь не фантастический. Но фантастические рассказы он писал с юных лет. И даже оформлял тетради в виде эдаких книжечек, снабжая их собственными иллюстрациями (он очень неплохо рисовал).

Впрочем, дело даже не в этом.

Мне посчастливилось держать в руках черновики пресловутой «Страны багровых туч». В то время (время первых набросков) Стругацкие еще не пришли к единственно правильному

судьбу» — автобиографическую по линии Аркадия и самую «нефантастическую» из всех повестей Стругацких? Вместо двух замечательных произведений имеем одно, вот и все.

Да, он был истинно литературен, искрометен, развлекателен. «Шпаг мне, шпаг! На коленях молю!» Это о «Трудно быть богом». В самом деле, какой была бы повесть без этих самых шпаг, без лихого духа мушкетерства, без великолепного барона Пампы, крутых поединков и сакраментального «не вижу, отчего бы благородным донам...?». Философским произведением, неплохим, но скучноватым, пожалуй.

Борис Стругацкий потом говорил, что первую половину их творческого пути «локомотивом» был Аркадий, а затем роли поменялись. Но чтобы пройти вторую половину пути, сначала надо одолеть первую.

ХРОНИКА

Это отрывки из в общем-то благожелательной рецензии на повесть — кого бы вы думали? — молодого Кира Булычева. Мягко? Отнюдь. Принцип: достоинство и справедливость превыше всего.

А вот такой факт. Когда в ворохе «самотека», который специально передали Аркадию Стругацкому для написания отрицательных (!) рецензий, он прочел рукопись Войсунского и Лукодянова, то на свой страх и риск отписал авторам, что их текст издательством принят. Принят! Затем «Экипаж Меконга» был издан, а его авторы ныне — признанные классики советской НФ.

Подобных историй про Стругацко-редактора — десятки. Например, уступив настояниям вдовы писателя-фантаста Г.Гребнева, Аркадий Натанович почти полностью написал его книгу «Мир иной», хотя до кончины Гребнев успел создать всего лишь страниц пятьдесят. Издательство могло расторгнуть договор, но вдова писателя очень просила этого не делать — ей пришлось бы возвращать аванс. Ну и немногие знают, что книга палеонтолога и популяризатора науки Г.Чижевского «В дебрях времен» фактически написана Аркадием Стругацким. Автор (Чижевский), будучи не в силах сделать художественное произведение, создал, скорее, научно-популярное; беллетризовать текст ему было скучно, тем более что деньги от издательства он уже получил. Но самое забавное, что редактурой (точнее, литературой) Стругацкого автор так и остался недоволен.

Человек

Об Аркадии Стругацком ходили легенды еще при жизни. С его именем связано множество литературных баек и анекдотов. А это, согласитесь, очень и очень: попасть в анекдот — все-таки знак признания.

Однако его жизнь не была легкой и ничем не напоминала байку или анекдот. Война, блокада, училище, служба военным переводчиком на Дальнем Востоке. Затем — годы негласного запрета на произведения Стругацких, и это при их колоссальной популяр-

решению: писать надо вместе. Обдумывать, да, по отдельности, но писать — только вместе. Поэтому поначалу решили разделить обязанности: часть глав должен писать Аркадий, часть Борис. И что же?

Старший брат сразу же ушел далеко вперед, в то время как младший топтался на месте. И в переписке Аркадий Натанович то и дело подгонял: «Ну давай! Я уже вон где, а ты все на первой главе!..» Прошло некоторое время, и стало ясно: пишем вместе. Решено!

Так и возник автор — братья Стругацкие, или «писатель Стругацкие». Кипучая, неумная фантазия Аркадия уравновесилась холодной созерцательностью, философичностью и склонностью к рефлексии Бориса.

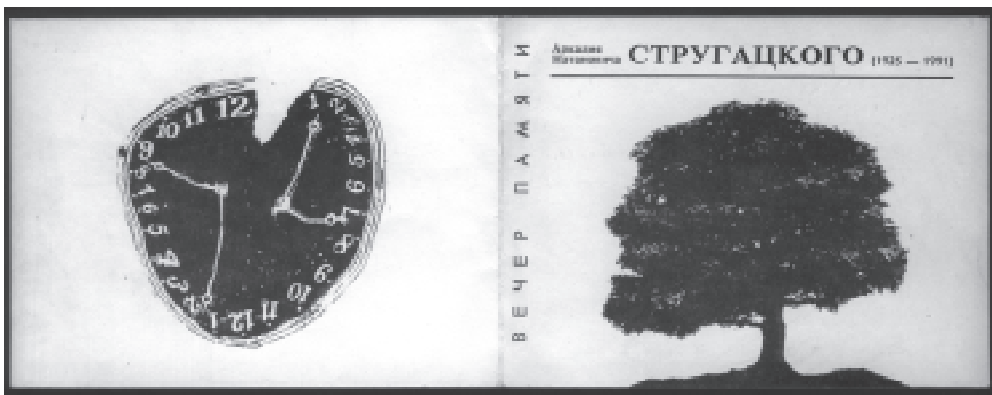
Но все же Аркадий Натанович оставался невероятно литературен! Его напор и мастерство не вмещали узкие рамки жанра. Он писал о людях и для людей, для читателей всех возрастов и профессий. Мне безумно жаль, что так и осталась неоконченной повесть «Дни Кракена», двигателем которой был именно старший брат. Что с того, что отдельные фрагменты и зарисовки из нее вошли в «Хромую

Редактор

О работе Аркадия Стругацкого в издательстве «Детская литература» ходят легенды. Причем бытует мнение, что Аркадий Натанович был редактором и рецензентом слишком уж мягким: мол, вообще плохих рецензий не писал и помогал опять же слишком уж многим. Все у него, выходило, «перспективные авторы» и «талантливые парни».

Да, помогал. Но, поверьте, далеко не всем, а именно достойным. Да и насчет «мягкого» рецензирования... Вот, скажем, угадайте, о ком речь.

«...Автор молодой, и для него только естественно было власть в грех некоторого подражательства. В повести просматриваются сюжетные мотивы из Беляева и Гребнева, классиков первого периода советской фантастики. Можно усмотреть в ней и прямые влияния позднейших авторов...» И далее: «Понятно стремление молодого веселого автора наделить героев остроумием и ставить их в юмористические ситуации. Но, как мне представляется, это далеко не везде ему удалось. Порой же юмор переходит в потуги на юмор, а это уже никуда не годится...»

ности! Ведь можно и затосковать. Нет!

Он любил жизнь во всех ее проявлениях. Пил и курил, зачастую перебарщивая с тем и другим. Был предан друзьям. Временами остро нуждаясь в деньгах, всегда был готов поделиться тем, что осталось в бумажнике. Друзья знали, что на вопрос Аркадия: «Есть ли у тебя деньги?», следует отвечать не просто утвердительно, а не задумываясь: «Есть!» Иначе примчится и отдаст последний червонец.

И еще, очень существенное. Был бескомпромиссен. На заседании Союза писателей громил Ю.Медведева и «Молодую гвардию», невзирая на то, что там должна была выйти его книга. «Давить их, сук, надо!» — так он объяснил свое поведение.

Давить было надо. Спустя некоторое время в редакцию газеты «Комсомольская правда» поступило якобы подписанное Стругацкими письмо, где сообщалось о желании братьев уехать за границу, то есть эмигрировать. Подписи оказались не просто поддельными: они были скопированы с договора, который уже долго лежал в «Молодой гвардии». На этом договоре Аркадий расписался дважды — за себя и за брата, и именно это потом дало возможность распознать не только фальшивку, но и ее источник.

Он не боялся ни черта, ни КГБ. Но при этом иногда бывал наивен, как ребенок. Например, после встречи с тогдашним министром культуры СССР Петром Ниловичем Демичевым («Ниловой»), как его за глаза называл режиссер Юрий Любимов), долго полагал, что их, братьев, тормозят на более низком уровне, поскольку «Нилова» заверила, что «у Стругацких в ЦК врагов нет». Без комментариев, как говорится.

Да ладно, вот что еще здорово: он был дьявольски обаятелен и куртуазен!

Вспоминает Светлана Бондаренко, текстолог и исследователь творчества Стругацких:

«К сожалению, с Аркадием Натановичем я общалась один лишь раз, больше не успела. В 1990 году мы, только что оформившаяся группа «Людены», в то время еще фактически компания молодых поклонников твор-

чества Стругацких со всех городов и весей, приехали в Москву поздравить мэтра с шестидесятипятилетним юбилеем. Первое мое впечатление — настоящий мужик. Высокий, чуть ли не на голову выше меня. Широченный в плечах и вообще весь какой-то такой... ну, большой. Меня, тогда еще совсем молодую девчонку, чрезвычайно смущало то подчеркнутое внимание, которое он мне оказывал: я была единственной представительницей слабого пола в нашей компании. «Все разумеется, берем тапочки, а дама может оставаться в туфлях». И далее: «Дама, пожалуйста в кресло, остальные рассаживаемся кто где видит». Помню, что сразу же выложил на стол пачку каких-то хороших сигарет, по-моему «Нашу марку» (замечу, что в те времена сигареты продавались по талонам). «Аркадий Натанович, а если дама тоже курит?» — «Да ради бога, главное, чтобы дама была хорошая». И каждый раз отвечал на мои реплики как-то особенно. Лишь теперь я понимаю, что «особенно» — это с мягкой иронией.

Но зато и грань умел поставить. Как раз в то время готовилось к выходу первое собрание сочинений Стругацких — «текстовское». Мы, «Людены», принимали в нем деятельное участие: по крупницам собирали библиографию, готовили полный словарь всех персонажей, хотя бы раз упоминавшихся у Стругацких. И вот — почти шок: оба брата наотрез отказывались включать в собрание «Страну багровых туч». Дескать, это единственное произведение, за которое им стыдно, гадкий утенок, битком набитый идеологическими благоглупостями; в общем, порождение эпохи. Мы были категорически против этого вердикта, доказывали, что «Страну» любят миллионы читателей, что без нее собрание окажется неполным. Но все напрасно. И вот сейчас, в доверительной беседе, я

решила попытаться счастья еще раз и завела разговор о «Стране». Аркадий Натанович глянул на меня совершенно уже по-отечески. И сказал буквально следующее:

— Светочка! Я готов, если вы того пожелаете, встать здесь перед вами на руки, а вот эти два молодых человека подержат меня за ноги, чтобы я не упал. Но только, пожалуйста, очень вас прошу, не вмешивайтесь в те вещи, в которые вам вмешиваться не следует.

Это было — ну, как холодный душ...

И все-таки «Страна багровых туч» вышла в том самом «текстовском» собрании — в последнем, дополнительном томе: Борис Натанович дал разрешение. Но Аркадия Натановича уже не было в живых.

Кто знает: если бы Аркадий Стругацкий дожил до сегодняшнего времени, как он (один или вместе с братом) отразил бы его в творчестве? Какие бы сделал заключения, как бы поерничал, что бы предсказал? Бесполезно мечтать. Каждый из великих уходит, наверное, вовремя. А что сейчас, например, написал бы Бродский? Или написал-спел Высоцкий? Или Окуджавва? Бесполезно мечтать! И все же жаль: ведь будь такое, это, несомненно, как-то изменило бы нас, в лучшую сторону, конечно.

И напоследок. В самое ближайшее время на полках книжных магазинов должен появиться первый том книги-исследования упомянутой выше Светланы Бондаренко «Неизвестные Стругацкие». На восемьдесят процентов — это тексты братьев: черновики, варианты рукописей, планы произведений известных и так и не написанных. Рисунки Аркадия и Бориса на полях рукописей. И многое-многое другое.

Ибо хотя *vita brevis*, но *ars longa*.

Глеб Гусаков